

Современному театру нужен ансамбль

(К итогам гастролей Горьковского театра драмы имени М. Горького)

Сегодня в столице заканчиваются гастроли Горьковского театра имени М. Горького, одного из самых крупных драматических коллективов России. В течение 25 дней наши гости показали 11 спектаклей. Афиша довольно пестрая: мирно сосуществуют такие произведения, как «Ричард III» и «К морю-океану», «Сестры Нечаевы» и «Жаркое лето в Берлине», «На горах» и «Операция «С Новым годом». Возникают сомнения: нужно ли было привозить в Москву такое множество спектаклей? Не правильнее ли ограничиться лучшими?

Сейчас, правда, об этом говорить уже бессмысленно. Тем более, что обширный репертуар позволил нам полнее ознакомиться с труппой и обнаружить отсутствие единого актерского ансамбля, который, как правило, формируется годами. Чем объяснить, что в такой стабильной труппе в спектакле «Дачники» рядом с В. Разумовым (Двоеточие) и В. Самойловым (Суслов), актерами органичными и тонкими, уживается В. Кузнецов (Басов), большой мастер театра представления?

Я видел Кузнецова в нескольких ролях, созданных им в содружестве с разными режиссерами. Надо отдать должное актеру: он добросовестно заботится о гриме, походке, costume своих героев. Внешне Каренин совсем не похож на Басова. Но по существу он ничем от него не отличается. Вспомните, с каким упоением роется Каренин — Кузнецов в секретере Анны, воспользовавшись ее отсутствием. Что за прыть и никакой неловкости! Так вкору вести себя Басову, мещанину и сплетнику? Но аристократ Каренин? И все потому, что Кузнецова больше заботит форма, чем содержание. А толстовский Каренин — фигура сложная, по-своему трагическая. Правда, в сцене родов у Анны Кузнецову удалось выжать слезу «крупным планом». Но и она показалась приклеенной, как парик и бакенбарды. Потому что ни исполнитель, ни зрители не были к ней внутренне подготовлены. Кузнецову чужды подтона, второй план. А как же без них можно играть Горького? Вот почему и Басов видится актером однобоко, прямолинейно. Кузнецов с недоверием относится к зрителям и старается лишний раз подчеркнуть то, что и так всем понятно.

Видел я в других спектаклях и Самойлова. В отличие от Кузнецова Самойлов мало заботится о внешней трансформации. Даже там, где этого требует автор, актер ограничивается самым минимальным. Зато внутреннее перевоплощение здесь происходит полное.

«Ричард III» — одна из наиболее интересных работ театра. Самойлов играет главную роль. Его герой не уродлив. Напротив, в самойловском Ричарде есть свое обаяние, в нем угадывается мужская сила. Чудовищные поступки он совершает так, будто делает что-то самое будничное. Ричард льстит открыто, не стараясь скрыть этого.

Казалось бы, шекспировская трагедия — вот поле деятельности для актеров, любящих эффектные роли! Здесь и стра-

сти, и мысли — все доведено до предела. Остается только решить, пойти ли каратыгинским путем или следовать мочаловской традиции, то есть представлять или переживать? Самойлов избрал последний путь. Актер почти нигде не форсирует звук, избегает нарочитых поз и жестов. Он мыслит. И мыслью воздействует на окружающих. Трудно сказать, что интереснее: следить за Ричардом — Самойловым, когда он молчит и думает, или слушать, как он говорит.

Вспомните сцену, в которой Ричард усердно молится богу, — одна из лучших моментов спектакля. Перед нами человек, набожность которого не вызывает никаких сомнений, хотя мы знаем уже, кто такой Ричард. Самойлов настаивает на том, что Ричард — актер. И очень талантливый, универсальный: сам придумывает роль, сам ее режиссирует и сам играет.

Итак, Кузнецов и Самойлов. Два ведущих актера, работающих в одном театре. Но говорят они на разных языках. И трудно понять, как к этому разноязычию в методе относится режиссура... В театре — не только зрелые мастера. В театре — и молодые. Как же они смогут стать единомышленниками, если старшие не покажут им пример?

Кстати, пример этот нужен не только молодым, но и многим актерам. Я сознательно остановился на двух из них потому, что главная беда горьковского театра видится мне в том, что одним импонирует театр представления, другие идут за Самойловым. Молодой актер Е. Иванычев, например, явно стремится к подлинности сценической жизни своих героев. Правда, ему угрожает опасность повторения. Но причину здесь следует искать и в самих ролях. Есть в них известное однообразие, которое вряд ли поможет развитию индивидуальности Иванычева. Однако, повторяю, Иванычев явно идет за Самойловым. Вместе с мастерами старшего поколения, такими как В. Дворжецкий, В. Разумов, Н. Левкоев (последний: к сожалению, не участвовал в нынешних гастролях), они не только охраняют, но и развивают реалистические традиции актерского искусства, которыми славится этот театр со времен Н. Соболевского-Самарина. Но гастроли в Москве показали, что вместе с ними в коллективе горьковчан трудятся и приверженцы совсем другой школы. В. Вихров, Н. Волошин, Л. Сергеева — актеры разных поколений, но они, как и Кузнецов, больше думают о внешней форме образа, чем о его содержании.

Хочется верить, что московские гастроли оставят по себе не только приятные воспоминания, но и помогут крупному театру, вернувшись домой, подумать о совершенствовании труппы, в которой, наряду с интересными мастерами, много одноплановых пожилых актеров и актрис. И мало талантливой молодежи. Но главное — необходимо помнить, что время звезд позади. Современный театр требует ансамбля.

Б. ПОЮРОВСКИЙ.

Московский институт культуры
г. МОСКВА
27 июля 1965